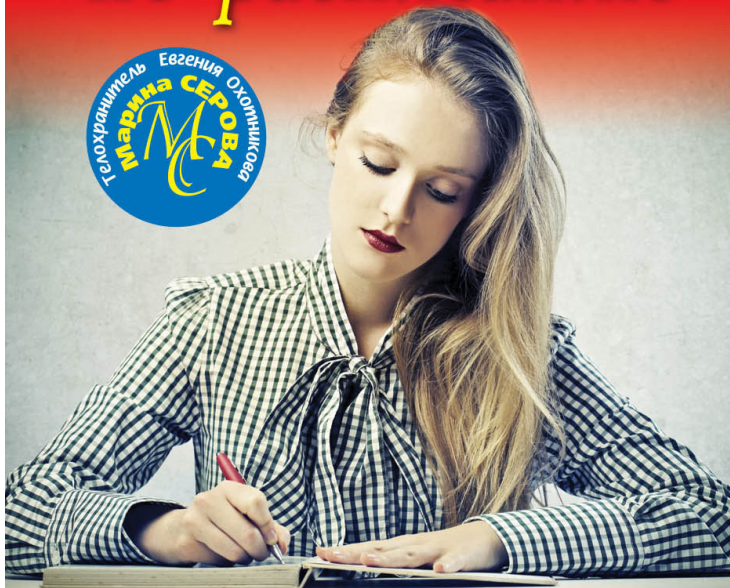

Марина
СЕРОВА

Похищение по расписанию

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Похищение по расписанию
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40746472
Похищение по расписанию: Эксмо; Москва; 2019
ISBN 978-5-04-105247-8

Аннотация

Респектабельный бизнесмен Сапанов волнуется за свою дочь Ксению – за ней явно кто-то следит. Чтобы обезопасить девочку, он нанимает телохранителя Евгению Охотникову. Казалось бы, обычное дело. Но... Оказывается, Ксюше не разрешают общаться с матерью, ее дневник полон мрачных рисунков и печальных стихов, а Сапанова боятся все, от прислуги до коллег. В довершение всего в первый же рабочий день Охотниковой Ксению похищают!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	37
Глава 3	71
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Марина Сергеевна Серова

Похищение по расписанию

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Серова М. С., 2019

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2019

Глава 1

Лера, за которой я наблюдала, успела сделать за сорок минут многое. Она устроила себе массаж кистей рук. Уронила на стол флакончик корректора. Лужицу, охнув, быстро промокнула салфеткой. Достала из ящика стола конфетку и, кинув ее в рот, отправилась к окну, чтобы приоткрыть его шире. Постояла там, о чем-то подумала. Предложила мне чай или кофе. Я поблагодарила и мягко отказалась. В помещении было душно, и я, которая провела там довольно продолжительное время, была сильно рада тому, что в комнатку ворвался свежий воздух. После похода Леры к окну последовал шквал телефонных звонков, на которые она реагировала очень профессионально. Отвечала быстро, лишней болтовни не разводила, всех абонентов успокоила, оповестила, проинформировала. Кого-то одарила кокетством в голосе, не сильно важных абонентов расшвыряла по всяким бухгалтериям и консультантам. Позависала в своем мобильнике. Опять предложила мне чай или кофе. Снова получив вежливый отказ, притворно вздохнула, села за стол, стала водить по коврику компьютерной мышкой. Набрала небольшой текст, распечатала его в единственном экземпляре. Сморщила лоб, видимо, заметив в тексте какую-то ошибку. Смяла листок, выбросила его в урну. Одним словом, работал человек не покладая рук.

Стены в помещении были прозрачными. Это давало возможность видеть любого человека, находящегося на одном с тобой уровне, даже на расстоянии двадцати метров. Все время, пока я ждала, я наблюдала за спящими по «муравейнику» сотрудниками. Их кабинеты, оформленные в таком европейском стиле, напоминали мне детскую игрушку, кубик, сделанный из прозрачного пластика. Внутри кубика – лабиринт из таких же «невидимых» стенок, а через лабиринт надо, вращая кубик, гонять маленький металлический шарик. Простая на вид игрушка, а сколько детей чуть с ума не сошли, пытаясь справиться с этим шариком.

– Как там, на улице? – спросила Лера, видимо, поняв, что вдвоем с ума сходить не так скучно. – С утра такой ветер сильный был.

– Да он и сейчас, знаете ли... – с готовностью ответила я. – Зима ушла, а следы остались. Прощай, мороз – привет, простуда.

– И весны-то толком не видно, – продолжила Лера.

– Ну, хоть снег почти растаял, – закончила я мысль.

– Люблю, когда тепло, – продолжала секретарша. – У нас тут зимой отопление включают на такую мощность, что цветы приходится поливать каждый день. Вечером почва влажная, а к утру – как песок. Вот окно приоткрыто, и сразу дышать легче, да?

– И не говорите, – подтвердила я. – А можно спросить?

– Долго ли вам еще ждать? – улыбнулась Лера. – Угадала?

Или в туалет надо? Он прямо и налево.

– Все же не в туалет, – засмеялась я.

Лера задумалась.

– Спрошу у него еще раз.

И, выйдя из-за стола, подошла к единственной непрозрачной двери из красного дерева, на которой красовалась бронзовая табличка с именем того, кто за ней находился.

Лера постучалась и сразу открыла дверь, не получив ответа. Зашла в кабинет, тихо о чем-то спросила.

– Ну, а чего молчишь-то? – вдруг услышала я громкий возглас.

– Я не молчала, я сказала, что она пришла и ждет, – услышала я голос Леры.

Я тоже помнила, что Лера уже объявила о моем прибытии своему шефу. Правда, по телефону и сорок пять минут назад. Он тогда попросил подождать. Вот мы и ждали.

– Давай ее сюда.

Это, значит, меня давай туда. Ладно. Не дожидаясь приглашения, я поднялась со стула и одернула юбку. Сейчас увижу бледную Леру и тогда уж пойду к клиенту.

Лера позвонила мне вчера днем, представившись секретарем Игоря Дмитриевича Сапанова. Фамилия эта мне ни о чем не говорила, но Лера пояснила, что Игорь Дмитриевич – весьма уважаемый в городе человек, владелец коммерческой организации «ИДС-Хоум». Бизнесмен, застройщик. Меценат, благотворитель. Мечта, а не человек. И мне очень

повезло, потому что он хотел бы со мной встретиться. И, желательно, чтобы встреча состоялась в самом ближайшем будущем. Смогла бы я навестить его завтра? Он будет на месте в половине такого-то.

Тот факт, что я могу и умею – и довольно неплохо – выполнять функции телохранителя, сейчас я уже не афиширую, но люди в определенных кругах могут выйти на меня без труда. Правда, увидев меня воочию, тушуются, но состояние это проходит у них быстро. Жизнь меняется. Бодигардами нынче работают и женщины. Отсутствие колчана со стрелами за спиной вовсе не говорит о том, что я не смогу удержать честь и достоинство своего клиента на должном уровне путем применения физической силы в направлении того, кто представляет угрозу объекту. Смогу. Еще как смогу.

Судя по тому, что бизнесмену безотлагательно потребовался телохранитель, я сделала выводы, что с прежним у него по какой-то причине, видимо, не срослось. Может, мой предшественник бухал во время работы или валил лицом в ковер каждого первого встречного. Может быть, он травил похабные анекдоты и везде неудачно шутил, или на самом деле телохранитель – это Сапсанов, который выдает себя за босса. А может, бывшего охранника вообще ликвидировали.

В любом случае мне следовало быть готовой ко всему.

Лера совсем не выглядела бледной, когда приглашала меня в кабинет. Только слегка пожала плечами и искривила гу-

бы. Мол, вы сами все слышали, он псих, а вам удачи.

Часто убранство помещения может рассказать о его владельце очень много. В небольшом кабинете, где я оказалась, все было темно-серым с редкими, но довольно удачными деталями интерьера синего и черного цвета. В одном из кожаных кресел, стоявших рядом с письменным столом, восседал красивый мужчина лет сорока пяти, одетый в дорогой черный костюм. Увидев меня, он поздоровался и вышел из-за стола навстречу.

– Сапанов, – представился он, протягивая руку. – Игорь Дмитриевич. Генеральный директор сего завода. Что же вы там сидели? Почему не зашли сразу?

– Потому что ждала вашего приглашения, – ответила я. – А секретарь – вашего разрешения. Она известила вас о моем прибытии дважды.

– И что же я? – удивился Сапанов.

– Приказано было ожидать сигнала.

– Однако, – хмыкнул он, – а вы дисциплинированы.

– Ну что вы, – пошутила я. – Могу и в дверь с ноги, но сначала неплохо было бы познакомиться поближе.

– Видимо, забыл, что Валерия предупредила, – пробормотал он. – Виноват. Задержали, и все по ерунде... Присаживайтесь.

Я опустилась в кресло напротив, натянула юбку на колени. Сумку опустила на пол. Сапанов вернулся на свое место, за стол. Его галстук был переброшен через спинку кресла.

Видать, реально заели мужика дела.

Оглядев кабинет, я отметила, что хозяин его скорее всего человек скрытный, подозрительный и крайне не доверяет своему окружению. Подчиненные работают в помещениях с прозрачными стенами, а сам вон как окопался. Одна дверь чего стоит. Окно прикрыто жалюзи, по углам комнаты – по кадке с какими-то высокими растениями. Отсюда и не понять, какие они: живые или искусственные.

Сапсанов крутанулся в кресле, и передо мной на миг предстала железная дверца в стене прямо за ним. Сейф, значит.

– Я вас слушаю, – улыбнулась я.

– В общем, так, – Игорь Дмитриевич сцепил пальцы в замок, подался вперед. – Смотрю на вас и думаю, что ошибся. Вы не телохранитель, да? Вы, простите...

– Слышу такое постоянно, – кивнула я. – Откуда вы узнали про меня?

– Знакомый поделился.

– Кто именно?

– Зиновьев, – не моргнув молвил Сапсанов. – Помните такого?

– Нет, – ответила я. – Не было у меня клиента с такой фамилией.

– А если был? – засмеялся Сапсанов.

– Вы берете на слабб. Проверяете меня, еще не наняв. Хотите узнать, делюсь ли я с новыми клиентами тем, что знаю о предыдущих. Так вот, не делюсь. И вам очень любопытно,

на кого я работала. На кого угодно, только не на Зиновьева, – сказала я. – Вы меня не на должность повара приглашаете, я – телохранитель. И мне интересно, кто из моих прежних клиентов порекомендовал вам обратиться ко мне. Так что, поделитесь?

Сапсанов демонстративно захрустел пальцами, показывая мне, что обычный на первый взгляд вопрос, который я задавала, может иметь очень непростой ответ.

– Был у вас знакомый товарищ, которому вы жизнь спасли, когда в него нож метнули, – сказал он. – Помните такого? – Помню.

Нож в того клиента метнул подвыпивший парень, которому не понравилось, как на него посмотрели. Меня наняли на время проведения одного мероприятия, после которого на улице и случилось это, так сказать, «покушение». Нож прокувыркался в двух метрах от лобового стекла какой-то машины и упал на проезжую часть. Нам тогда сильно повезло, что у врага по пьяни был сбит прицел. Он, кстати, неплотно стоявший на ногах, тоже сразу завалился куда-то вбок. Но я успела закрыть собой клиента и приготовилась дать отпор. Неловко вышло.

– Тот товарищ отзывался о вас исключительно положительно, – продолжал Сапсанов. – Работал с вами недолго, но запомнил. Слушайте, может, воды? А то здесь дышать нечем.

– Нет, благодарю.

Я вспомнила, что тот, кто меня порекомендовал, вскоре

отошел от дел. По слухам, выбрал тихую сельскую жизнь. Хороший дядька.

– Так кого же мне охранять? – спросила я. – Вас оберегать от всего требуется?

– За себя я и сам постоять сумею, – ответил Сапсанов. – Не обо мне речь. Я пригласил вас, чтобы познакомиться поближе. Посмотреть в глаза, так сказать. Проследить за вашей реакцией. Хотя что можно сказать о человеке, понаблюдав за ним всего-то пару минут?

– И не считая векового ожидания человека в приемной, – напомнила я. – Но да, согласна, товар желательно перед покупкой подержать в руках. Так о ком идет речь?

– О моей дочери, телохранитель нужен ей, – нахмурился бизнесмен. – Вы извините за то, что держал вас тут, отнимал время, словно какой-то тест устроил... все это фигня. Мы встретились, поговорили, этого достаточно. Теперь я хочу, чтобы вы приехали ко мне домой.

– Ребенок будет там?

– Ребенок будет там. Не сюда же мне ее приводить.

– Расскажите, пожалуйста, Игорь Дмитриевич, о дочери.

– А сейчас-то зачем? – искренне удивился Сапсанов. – Насколько мне известно, это вашему делу никак не поможет.

– Но и лишним не будет. Я ведь и отказаться могу, если что-то меня не устроит. Или вы откажетесь.

– Цену набиваете? – улыбнулся Сапсанов.

– Выясняю все, что мне может пригодиться в работе.

– Понятно, – сбросил улыбку Игорь Дмитриевич. – Абы как дела не делаем, да? Ладно. Ладно, вы правы.

– Спасибо.

– Дочь... Ну, что дочь? Дочери скоро семнадцать, заканчивает школу. Живем мы с ней вдвоем, растет без матери. Давно. Никаких особых женского пола в нашей семье больше нет. Я не беру в расчет кого-то из персонала или парочку приходящих педагогов.

– А мать девочки? Что с ней?

– Девочку зовут Ксения, кстати, – заметил Сапсанов. – Или Сенька. Смешно, но это с детства повелось. С ее матерью я в разводе. Случилось это, когда Сеньке было семь лет. Близких контактов они не поддерживают, но могут увидеться, если очень надо. Разумеется, я должен быть в курсе их встреч. И вот еще, Евгения. Очень попросил бы не развивать эту тему в дальнейшем. Просто примите как факт.

– Принимаю, – согласилась я.

– Я много работаю. Очень много. Моя фирма участвует в программе городской реновации, и приходится общаться и со спонсорами, и с банкирами, и с инвесторами... Всякого пошиба люди. Мероприятия, банкеты, встречи и иная ненужная лабуда, откуда никак не сбежать при всем желании. Дочь выросла, спокойно обходится без нянь и прислуги. А также без людей в черном, которые якобы с ней не знакомы, но всегда находятся рядом.

– То есть никакой охраны у дочери нет.

– Ксении никогда не требовалась охрана. Я вышел из простой семьи, всего добивался сам и ее к этому приучаю.

– К чему? – прервала я его рассказ.

– К отсутствию золотых унитазов.

– Тогда я уточню. То есть ни на каких черных «мерсах» с мигалками по городу она не передвигается? – насмешливо спросила я. – А то, знаете, некоторые обеспеченные люди заковывают детей в такие вот «цепи»: личная охрана, бронированное авто, зачистка территории от машины до школьных ступеней. Бывает, что и чипы детям вживляют под кожу. Такого же нет?

– Такого нет, – на лице Сапсанова не было ни тени улыбки. – Дочь совершенно не избалована. Все, что нужно для более-менее нормальной жизни, у нее имеется. Она спокойно передвигается на общественном транспорте, ей не зазорно зайти в обычный магазин за газировкой или хлебом. Одевается не в меха, увлекается компьютерными играми и, кажется, ведет дневник.

– Кажется? Вы не знаете точно?

– Не имею привычки копаться в чужих вещах, – я уловила нотку гордости в его голосе. – Пару раз заходил к ней в комнату и видел то на столе, то на кровати, то еще где-то там некую странную тетрадку. Толстую такую, в каком-то плюшевом переплете. Не то чтобы я знал наперечет, что и где находится в дочкиной комнате, но за тетрадку эту она каждый раз хваталась так, словно в ней страшные тайны хранят-

ся. Вот и подумал, что это дневник.

– И не было желания заглянуть внутрь?

– Ни малейшего, – равнодушно мотнул головой Сапсанов. – Во-первых, это дочкина территория. Во-вторых, что там может быть интересного? Ванильные единороги? Рассуждения о том, почему ее не любит придурок из соседнего двора? Песни о разбитом сердце?

«Адреса друзей, рецепты наркоты, телефоны дилеров или обозначения значных мест, а также нелестные слова в твой адрес», – подумала я. Дневник – такая вещь, которая может быть «пустышкой», а может оказаться и «отмычкой». Это с какой стороны зайдешь. Это смотря что искать в дневнике.

Но пусть папаша и дальше думает, что дочь его не сильно, скажем так, умна.

– Я нанимаю вас на год, – Сапсанов внимательно смотрел на меня, ожидая ответа. – Как вам такой срок, устроит?

– Год – это серьезный срок. С Ксенией надо будет находиться постоянно? – уточнила я.

– Да нет, – успокоил меня Игорь Дмитриевич, – только от дома до школы, а потом в обратном порядке. Если куда-то надо будет заехать, то это ненадолго, да и случается такое не так уж и часто.

– Заезжать куда-то нужно будет по ее поручениям? – не отставала я.

– По ее, по моим, какая разница? – кивнул Сапсанов. – Как правило, это мелкий шопинг или быстрые забеги за ка-

кими-то пособиями в книжный. Я прошу ее о чем-то редко. По гостям, кстати, Ксения не особо мотается. Тогда нужно будет доложить мне, и я уже решу: ждать вам ее под окнами или не делать этого. Но речь только о гостях. Гости – это хорошо. Но гости бывают разными. Она растет, интересы меняются, окружение тоже, я все понимаю... В общем, пару раз приходилось отлавливать ее в кафе с компанией не сильно трезвых молодых, простите, недоносков.

– О, как вы про них, – протянула я. – Такие уж они и ...?

– Я зол, – оборвал меня Сапсанов. – И знаю, о чем говорю. Я был в их возрасте, прекрасно помню, куда клинит парня, если он накачался спиртным, а рядом с ним сидит симпатичная девчонка. Там все равно, кому с кем. Все равно! Я не ханжа, но Ксения не должна... вот так вот... с такими, в таких местах... да черт его знает, что там они еще могут по вене пустить... В общем, думаю, вы меня понимаете.

– Прекрасно понимаю. А почему для охраны потребуется именно год?

– Сразу после выпускных экзаменов я отправлю ее за границу. Там будет колледж, практика. Возможно, работа. Там все будет. Здесь ей не резон оставаться.

Не дай бог, сейчас загнет что-то про политику. Но я ошиблась.

– Просто она отлично знает язык, – словно прочитал мои мысли Сапсанов. – И с таким богатством учиться будет не здесь. Тут инглиш так просто не прокачаешь, как там.

– А где это «там»?

– В Лондоне, – просто ответил Сапсанов. – Отдыхали мы с ней там не единожды, я навел справки, все узнал... А уж потом решил, что и как. И вот для того, чтобы моя дочь благополучно дошла до момента окончания школы и сдачи экзаменов, и сделала это живой и здоровой, я и нанимаю вас на работу, Женя.

– Но год... – все еще не могла решиться я.

Иногда моя работа носила и такой характер: утром я работала на одного человека, днем летела через весь город ко второму, а ближе к ночи охраняла третьего. Иногда освобождалась только под утро. И это с учетом того, что первый товарищ снова ждал меня утром к назначенному часу. Такой режим случался не всегда, но бывало, что держался долго. Чтобы быть совсем уж меркантильной, я могу честно сказать: такой график работы неплохо окупался. Мне хорошо платили. Тетя Мила до сих пор не может поверить в то, что однажды утром она захотела в Турцию, а вечером в компании веселых соотечественников уже потягивала третий по счету коктейль на песчаном черноморском берегу под лихие песни русских исполнителей. Ту поездку я смогла подарить ей именно благодаря тому, что пахала пчелкой с утра до ночи.

Не хотелось бы терять возможность повторить. Сложно, но выгодно.

– Давайте попробуем, – просто сказал Игорь Дмитриевич.

– А давайте, – согласилась я.

Меня-то он уговорил, но сам явно о чем-то умолчал. С какой стати он вдруг решил приставить к своей дочке телохранителя именно сейчас? Нет, понятно, что сомнительные друзья появились, но где они были раньше?

– Игорь Дмитриевич, – аккуратно начала я. – Вы только из-за не угодных вам дочкиных друзей меня нанять хотите?

Сапсанов снова выбрался из-за стола, подошел к входной двери и приоткрыл ее.

– Лерун, – позвал он секретаршу. – По кофейку нам сделать не хочешь?

Закрыв дверь, но пошел не к столу, а ко мне. Сел в соседнее кресло, понизил голос.

– За Ксенией следят.

И замолчал, ожидая мою реакцию.

– Вау, – выдавила я из себя. – Вот, значит, как. И в чем это выражается?

– Понимаете ли...

Дверь в кабинет распахнули с такой силой, словно в нее ударили ногой. На пороге стояла уже знакомая мне секретарша Лера, которая внесла в кабинет поднос с двумя кофейными чашечками, молочником и малюсенькой сахарницей. С улыбкой она поставила поднос на журнальный столик, который был втиснут между нашими креслами.

Чашечки были абсолютно пустыми.

– Лера, – с тяжелой улыбкой произнес Сапсанов.

– Минуточку, минуточку...

Почему-то на цыпочках Лера выбежала из кабинета, чтобы вскоре появиться перед нами и поставить рядом с подносом огромный прозрачный чайник, доверху наполненный кофе.

– А сразу в чашки налить не судьба? – сдвинул брови Игорь Дмитриевич.

– А я не знаю, кому сколько надо наливать, сами разберетесь, – простодушно ответила Лера и вышла из кабинета, прикрыв за собой дверь.

– Она права, – быстро сказала я. – Судя по запаху, это превосходный кофе. Пару чашек осилю. Но, боже... – спохватилась я. – У вас же дела.

– У меня посетитель, – ткнул в мою сторону пальцем Сапсанов. – И тема такая, что дела подождут.

Половина чашки кофе – еще не повод расслабляться. Сапсанов рассказывал, я внимала.

– Пару раз пустил за Ксенией «хвост» из проверенных людей, – поделился он. – Не думаю, чтобы она знала об этом. Стал делать так, когда понял, что после школы она не только по подружкам шляется, а еще и к матери заходит.

– К своей родной матери?

– К ней, – тяжело вздохнул Сапсанов. – Ее мать... мне, понимаете, трудноато называть ее так, хотя по природе... ладно. Юлия Олеговна – мастер в бюджетной женской парикмахерской. Там мы с ней и познакомились. В те времена женский зал соседствовал с мужским, и я туда изредка заха-

живал. Там и увидел Юльку. Случайно. Мы быстро сошлись, быстро расписались и быстро произвели на свет Сеньку. Потом наступили лихие времена, и я стал заниматься бизнесом, а Юлька так и продолжала фигачить завивки в своей парикмахерской. Мы тогда жили в съемной квартире, и я как-то понял, что могу себе позволить не снимать жилье, а купить. Или построить. Даже так. И я построил недалеко от города дом, в котором мы и живем сейчас с дочерью. А Юлька вернулась туда, где была, – в парикмахерскую и на съемную хату.

– Она там постоянно работает? – спросила я.

– Она успела пожить другой жизнью, которая не предполагает шума соседей за стенкой, – ушел от прямого ответа Сапсанов. – А потом вернулась туда, где пользы от нее будет больше. Дочери тогда было семь.

– Вы развелись, и дочь осталась с вами, – уточнила я.

– Мы развелись, а дочь осталась со мной, – подтвердил Сапсанов. – И суд постановил, что Ксении будет лучше жить с отцом, чем с матерью.

– То есть вашу жену лишили родительских прав.

– Именно.

– Понятно, – заметила я. – Для этого нужны веские основания.

– Ваше дело не в основаниях копать, а ребенка охранять, – поставил точку Сапсанов. – Простите за резкость.

– Прощаю.

Я уже успела заметить, что его манера разговаривать с людьми порой превращалась из вежливой в хамскую. Как заметила и то, что Сапсанов сам понял, что рассказал мне лишнее.

– Итак, за дочерью следили ваши люди... – подтолкнула я его на правильный путь изложения мыслей.

– Да. И эти люди заметили, что за ней ведется и другое наблюдение.

– Слежка «в квадрате»?

– Именно так, спасибо за то, что правильно поняли. Кто-то пас Ксюху, пока мои люди следили за ней. Вот и вся проблема. Вся, как есть. Как на духу.

– А вы не могли ошибиться?

Сапсанов уставился на меня, как на пустое кресло, которое вдруг заговорило. Мол, ты что, в шашки со мной поиграть пришла?

– Как выглядели эти люди, Игорь Дмитриевич? – зашла я с другой стороны.

– Их, разумеется, сфотографировали, – ответил Сапсанов. – И я их не знаю.

– Фотографии, разумеется, покажете?

– Разумеется, – одними губами ответил бизнесмен.

Разговор стал походить на какие-то дебаты, причем оба оппонента думали, что каждый относится к другому с неприязнью. С таким я тоже сталкивалась. Нужно было сделать паузу, и срочно.

– Игорь Дмитриевич, – я аккуратно поставила чашку с недопитым кофе на поднос. – Я вас поняла. Вы правы, давайте перенесем встречу к вам домой. Вы называете адрес и время, я приезжаю, и мы окончательно все решаем на месте.

Игорь Дмитриевич не стал меня удерживать. Поднялся из кресла, протянул мне руку, помог подняться.

– Адрес возьмете у секретарши. Это в области, но совсем рядом с городом. На охране скажете, что мы договорились о встрече, они уже будут в курсе. Паспорт не забудьте. Давайте к шести вечера, дочь уже будет дома. Ну, как, согласны?

– Согласна на что?

– Я вас только что нанял, Женя. Остались формальности.

Согласна ли я? Слишком о многом я не успела спросить.

– Вот дома все и решим, – кивнула я. – Но, в принципе, я готова с вами сотрудничать. До свидания, Игорь Дмитриевич.

Мы пожали друг другу руки. Мне показалось, что в тот момент он нервничал сильнее, чем тогда, когда я зашла к нему в кабинет.

Я попрощалась с Лерой и покинула высокое офисное здание, не так давно выросшее в центре Тарасова. Забирая с платной стоянки свой «Фольксваген», с удивлением узнала от охранника, что оплачивать я ничего не должна, потому что так сказал сам Игорь Дмитриевич.

– Приятно слышать, – заметила я.

– Хорошей вам дорожки, – пожелал мне охранник.

До вечера еще оставалась пара часов. Судя по адресу, который мне дала Лера, Сапсанов жил недалеко от черты города. Времени было предостаточно для того, чтобы заскочить домой. А так как я живу не одна, а со своей родной тетей Милой, то порой занимаюсь делами чисто семейными. Либо по собственной воле, либо по просьбе тетушки. Не так давно она хвалила выпечку, которую пока что в Тарасове можно было купить только в одном месте. Туда-то я и направилась.

Кондитерская спряталась глубоко во дворах, и мне пришлось помотаться по ним, чтобы, наконец, обнаружить ее на первом этаже невзрачного жилого дома. Надеюсь, когда кондитеры раскрутятся, они откроют торговую точку поближе, чтобы тетя Мила сама к ним приходила.

Набрав два пакета всякой сдобной всячины, я вернулась в машину и, не торопясь, поехала домой.

Тетя Мила встретила меня с полотенцем на голове, а также при полном макияже.

– Как там на улице сегодня? – спросила она.

– А что такое? Ты куда-то собралась?

– Собралась, да, в магазин. Мне надо понять, что надеть: серое пальто или твой пуховик.

Тетя Мила знала, что я не буду против. Это была наглость, конечно, но человек-то родной! Мой пуховичок, который я уже неоднократно порывалась повесить на край мусорного контейнера, после каждой стирки становился вроде как сно-

ва ничего. Разумеется, у меня имелась ему замена, но тетя Мила взяла моду таскаться в нем по своим делам. В собес, на рынок, в магазин – пуховичок, к ноге! А если в поликлинику или там на концерт, то тут в главной роли выступало пальто. Ее пальто, не мое.

Оба этих предмета одежды обладали одинаковыми теплоизоляционными свойствами, но вот беда – были совсем не похожи. И я, честное слово, не поняла, почему тетя Мила спросила про погоду. Ведь если лицо уже нарисовано, а под полотенцем зреет прическа, то вряд ли в таком случае понадобится пуховик. Не комильфо же.

– С утра был жуткий ветер, – сообщила я, а тетя аккуратно взяла у меня из руки пакеты и тут же, не сходя с места, засунула нос сначала в один, потом в другой.

– Господи, – простонала она. – Это ведь с клубникой, да?
– Квадратные плюшки – с клубникой, а круглые – с шоколадом. Нет, стой... наоборот. Или нет. Там внизу еще печенье. А в другом пакете что-то со взбитыми сливками. Подозреваю, что я все смяла в пути. Ну, можно ложкой прямо из пакета.

– Молчи, – обняла меня тетя Мила. – Молчи, ты много говоришь. Пока сохнут волосы, я совершенно свободна. Рассказывай.

К этому времени я уже сняла сапоги и устремилась на кухню.

– Ну, что тут рассказывать. Предложили работу. Через час

еду на собеседование.

Тетя Мила разлила по чашкам ароматный чаек. Я выбрала слоеный квадратик с клубничным содержимым.

– Я так за тебя боюсь! Но так горжусь! – в который раз призналась тетя Мила, откусывая круглый пирожок с шоколадной начинкой. – Ты серьезно? Это из той самой кондитерской?

– Да, – отложила я булочку. – Для меня слишком сладко, так что тебе больше достанется.

– И что же было на собеседовании?

– Информационная часть, а также проверка моей стрессоустойчивости, – ответила я. – Второй акт будет решающим. Но, тетя Мил, не влезай ты в это дело.

– Всегда так говоришь. Не доверяешь, – заметила тетя.

– У тебя и так много забот, – отмахнулась я. – Причесон, брови.

– Ты заметила? – обрадовалась Мила.

– Конечно. Вот взять, к примеру, магазин, в который ты собралась... Кому-то это – просто сходить за покупками. А перед кем-то, – я окинула тетю Милу многозначительным взглядом, – всегда будет стоять тяжелый выбор.

– Ты о чем?

– Пальто или пуховик, – напомнила я и откусила еще один кусочек. – Пальто. Я выбираю пальто. И ты тоже его выбери.

Тетя наслаждалась купленными гостинцами, наливала себе уже третью чашку чая, а я поглядывала на часы. Вско-

ре, расцеловав тетушку, я вышла из дома, завела машину и отправилась по тому адресу, который мне дала секретарша Сапанова.

Если речь идет о детях, то моя работа усложняется. Они не столь организованны, как взрослые. У них не такая хорошая память. С детьми труднее договориться, и если ты не владеешь хотя бы минимальными знаниями детской психологии, то дело может застопориться на самом интересном или опасном месте. С дочкой Сапанова я не была знакома, мало о ней знала, и кого мне предстояло увидеть перед собой, я тоже не имела понятия.

От окраины Тарасова до дома Сапанова ехать было всего ничего.

Въездные ворота распахнулись сразу, а паспорт у меня даже не попросили. Угостили хлебом-солью, расстелили красную ковровую дорожку – добро пожаловать в рай, значит. Если бы такое произошло, то я бы подумала, что у меня подскочило давление, да так, что пробило череп, но все вышло наоборот. На машину налетели три охранника с дубинками, один грубо потребовал предъявить паспорт, а когда я попыталась выйти из машины, то чуть не получила дубинкой по спине. Конечно, я бы дала сдачи, но до этого не дошло.

– Пусть проезжает, – вдруг сапановским голосом заговорила рация, висевшая на груди у одного «защитника».

– Но, Игорь Дмитриевич...

– Глаза разуй, оракул! Номера читал?

Охранник обошел машину вокруг. Видимо, у хозяина все было схвачено, предупредил, машина какой марки, во сколько и с какими номерами приедет, но охрана решила перебдеть.

– Езжайте прямо по дорожке, – указал направление охранник с рацией. – Костян, запускай даму! Упретесь прямо в крыльцо, – извиняющимся тоном обратился он ко мне, – там машину и бросайте. Прощения просим за такой прием.

– Бывает, – успокоила я охранника и послушно тронулась вперед малым ходом.

До особняка нужная мне дорога немного попетляла. На дворе стоял конец марта, темнело поздно, но и при дневном свете я пару раз чуть не въехала в аккуратно подстриженные колючие кусты, обрамлявшие дорогу. Но, слава богу, скоро эта пытка закончилась – мой непростой маршрут привел на просторную площадку, перед которой я увидела добротный кирпичный двухэтажный дом с крыльцом.

Припарковавшись, я стянула с плеча ремень безопасности, взяла сумку и вышла из «Фольксвагена». Сделала шаг к крыльцу и увидела, что там появился сам Игорь Дмитриевич Сапсанов, который, видно, решил меня встретить прямо у порога.

– Ну и лабиринты тут у вас, – громко заметила я, оглянувшись. – Если выпиваете на банкете, то, наверное, машину у ворот оставляете, а сами пешком?

– Привык, – уж как-то слишком отстраненно заметил Сапсанов. – Дочь... Вы только что приехали?

– Да, – ответила я, приближаясь. – Ваши охранники и подтвердят. Не ругайтесь на них, серьезные у вас ребята.

Он был каким-то не тем Игорем Дмитриевичем, с которым я разговаривала несколько часов назад. Все в том же костюме, но выглядел неряшливо. А лицо его словно кто-то смазал, как на рисунке, иначе и не скажешь.

– В дом, – скомандовал он и протянул мне руку, словно я сама не могла подняться по ступенькам.

Взяв меня за руку, он быстро пошел вперед, довел меня до лестницы, ведущей на второй этаж, повел наверх, и я еле поспевала за ним. В конце концов мы оказались в его кабинете.

Здесь стоял письменный стол, пара кресел, диванчик, столик, шкаф с книгами, шкаф-купе с чем-то еще. И растение в кадке в углу.

– Садитесь.

Я послушно опустилась на диванчик, а сам Игорь Дмитриевич так и остался стоять передо мной.

– Я... не понимаю! Как?! – вырвалось у него.

– Что случилось, Игорь Дмитриевич? – напряглась я.

– Ребята вам не сказали...

– Охрана ничего не объяснила, – подтвердила я.

– Ксению похитили.

– Чего?! – я тоже забыла про правила приличия. – Так вот почему мне чуть было руки не заломили при въезде...

– Это сюр какой-то, – пробормотал Сапсанов. – За пять минут до вашего приезда! Вы по пути никого не встретили?

– Кого... Встретила пару машин, разъехались спокойно... Да вы можете объяснить толком?

– У нас недалеко от дома автобусная остановка, – ответил Игорь Дмитриевич. – Ксения всегда приезжала домой в одно и то же время. Если задерживалась, то звонила, предупреждала. Или просила встретить. Или забрать. Недавно прислала сообщение, что подъезжает к дому.

Он молчал. Я не вторгалась в его паузу.

– Охрана видела, они и рассказали. Вышел один из моих ребят ей навстречу, чтобы на территорию пустить. Ей только дорогу осталось перейти.

Сапсанов зачем-то подошел к книжному шкафу, встал к нему лицом.

– Черный битый «жигуль». Грязный, как адова сковородка. Появился из ниоткуда – никто не успел заметить. Тормознул прямо на остановке. Как только дочь поравнялась с задней дверью, ее схватили, затащили внутрь и дали по газам. Похитили, понимаете вы?!

– А охранники-то что же, ничего не предприняли? – все еще не понимала я.

– Тупые, вот и не предприняли, – махнул рукой Сапсанов. – Да что теперь говорить... Тупые, понимаете? – повысил он голос.

Он почти кричал, а крика я категорически не терпела. Но,

в силу профессии, мне приходилось видеть столько людей, которые выходили из себя, что я даже успела привыкнуть к этому. И мысленно научилась выключать громкие звуки, исходящие из чужого горла.

– Игорь Дмитриевич, – твердо сказала я. – Вы вызвали полицию?

– Не будет никакой полиции, – тихо сказал Сапанов.

– Почему?

– Потому что *они* только этого и ждут.

Я молча следила за хозяином дома. Он не находил себе места.

– Послушайте, – Сапанов выдвинул ящик стола, достал пачку сигарет, прикурил одну. – Я признателен вам, правда. Но больше в ваших услугах не нуждаюсь.

Это было довольно неожиданно.

Остановившись около окна, Сапанов затаился, и фиг его знает, какие картины проносились у него в голове.

– Дочери был нужен телохранитель, но вышло так, что на данный момент вы бесполезны, – добавил он.

Если бы похитили тетю Милу, то я бы не стояла у окна в ожидании.

– Но вышло так, что тут только я, – подала я голос. – Вы наняли меня работать телохранителем собственной дочери. Могу я чем-то помочь? – меня удивляло бездействие Сапанова. Хотя откуда мне знать? Он мог уже принять какие-то свои меры. Но, блин, у него дочь похитили, а он стоит и ку-

рит! Курит и... держит себя в руках. Человек-скала.

– Хотите помочь? – посмотрел он на меня. – Бога ради, действуйте.

– Скажите, Игорь Дмитриевич, а у вас есть какие-то мысли или догадки?

– Нет, – отрезал он.

– Понимаете, – быстро заговорила я, боясь разозлить его, – сначала голова варит, а потом глаз замыливается. Сейчас у вас состояние первое. До второго пройдет какое-то время. И тогда момент уже будет упущен. Но сейчас, Игорь Дмитриевич, вы в состоянии номер один – «башка варит». Это значит, что вы способны думать в правильном направлении, и даже если ошибетесь, то все равно смысловое зерно в этом будет найдено, посажено и даже даст ростки, – а все потому, что память работает избирательно. И работает на вас. Вот пример: вы прикоснулись пальцем к подошве горячего утюга. Вы же отдернете руку? Это импульс, но он подсказывает верный путь. Так же и с памятью. Вспомните все, что вас волновало в последнее время в отношении дочери. И вы за что-то уцепитесь, где-то задержитесь. Увидите все так, как нужно, а если повезет, то поймаете истину и распутаете клубок.

Выдав этот спич, я в ожидании устала на Сапсанова. Он молчал. Да ладно, неужели я не смогла донести до него основную мысль?

– Распутая истину и поймаю клубок... – задумчиво про-

бормотал Сапсанов. – А вы знаете, я попробую...

Я выдохнула с облегчением. Сумбурно я выражаюсь порой, конечно, но вот ведь понял человек все так, как надо.

– Но нельзя упускать время, – напомнила я. – Это надо делать сейчас, немедленно. Невзирая ни на что.

– А?.. Что делать? – словно очнулся Сапсанов.

Я взяла в руку сумку и пошла к выходу.

– Вы разрешили осмотреться, – напомнила я. – Тогда я начну. А вы пока обратитесь в полицию. Пока не поздно. От всей души советую. Или это сделать мне?

– Нет, – дернулся Игорь Дмитриевич. – Идите. Я сам.

Выйдя из кабинета, я оказалась в коридоре, стены которого были увешаны тарелочками с какой-то цветочной мазней. По пути сюда я этого не заметила. И ни одной души вокруг.

Первая же дверь, в которую я толкнулась после вежливого стука, оказалась той самой, за которой я очень хотела бы оказаться в первую очередь. Двухспальная кровать с пушистым покрывалом, разбросанные тетради на небольшом письменном столе. Над столом висела фотография. Блондинка с удлинённым лицом обнимала за плечи девочку лет пяти. На кончиках носов у обеих было что-то голубое, и я поняла, рассмотрев фото поближе, что это мороженое, которым они украсили себя на отдыхе.

Взгляд выцепил светло-коричневый край плюшевой обложки, видневшейся из-под постельного покрывала. Как будто кто-то впопыхах засунул книгу в кровать. Неужели тот

самый дневник, о котором говорил Сапсанов?

Я вытянула книгу из-под покрывала и расправила на нем складки. Вот так. Ничего я здесь не видела, ничего не брала.

Встав лицом к окну, я раскрыла книгу. Эх, не ошибся отец, он прекрасно знает, чем живет его дочь. Это действительно был дневник. Только хроники событий там не было, кроме дат. Ксения все запечатлевала в виде изображений, а не словарных форм. Никаких «Славик – няшка, а я жить без него не хочу» я не увидела. Были наклейки какие-то, сорванные со стен остановок стикеры, обведенные черным маркером английские фразочки. И тут же – умело прорисованные черной гелевой ручкой человеческие лица с правильно наложенными тенями, грустью или искрами радости во взглядах, солнечными бликами в зрачках. Не однотипность, не толпа. Если эти рисунки сделала Ксения, то знал ли ее отец о том, что его дочь прекрасно владеет не только английским?

Я перевернула страницу.

Спит вагон, мерцает газ,
Поезд мчит, уносит нас.
Бесконечна даль полей,
Месяц горестный над ней.
С юга, с юга – в мир снегов
Мчится поезд мертвецов.
Смотрит месяц к нам в окно,
Только – мертвым все равно!

В. Брюсов

Ни фига себе. Меня удивило не то, что в дневнике молодой девушки жили стихи о смерти, унынии или безысходности – кто из нас не проходил такой этап во время взросления? Само наличие стихов меня не удивляло. Но Брюсов?! Почему не Александр Сергеевич? Тот тоже, знаете ли, умел вышибать слезу у барышень. Потом вон шел на дуэль – гордый, талантливый. Так и ходил, пока не пристрелили. Или стихи кого-то, кто творил еще раньше? Пролистая книжку дальше. Снова рисунки, наклейки, какая-то разномастная ерунда. И снова стихи. Я не слишком жалею рифмованные слова, но есть такие, которые читаются легко, а еще даже и удивить могут тем, что совпадают с твоими мыслями.

Посмотри на меня. У усталости стынут руки.
Уходи, уходя. Я попробую жить, как ты.
Мы старались с тобой, но случилась такая штука,
Что сломались с тобой, словно вышли из пустоты.

Без подписи. Что-то мне это напоминает.

Мы дурные какие-то люди.
Шум травы проживет без нас.
Жаль до слез, но мы вряд ли будем
Плакать так, чтобы кровь из глаз.

Или вот еще шедевр.

Костры танцуют по мне ужами,
И ночь без ангелов так темна.
Украшен трон мой семью крестами,
Корона сброшена.
Не нужна.

Приплыли. Стихи-то, похоже, сочинил подросток. Да еще раненный в самое сердце. Я, конечно, не Бальмонт, а до Блока мне ползти и плакать, но тут только дурак не поймет, что ребенок, который либо сам пишет такие нетленки, либо специально собирает их где-то, самый обыкновенный. Правильный. Сильно переживающий, как большинство людей его трудного возраста. И да, подбитый на самом взлете.

Я не просто так пристроилась лицом к окну – если бы кто-то зашел в комнату и застал меня врасплох, то я могла бы незаметно избавиться от дневника в плюшевой обложке. Так и вышло. В комнату вошел Сапсанов. Увидев меня, как будто расстроился. Я раскрыла пальцы, и дневник благополучно упал позади меня на пол. Прямо между туфель.

– Хотел побыть в ее комнате, чтобы... не знаю... – Игорь Дмитриевич посмотрел на пол. – Это ее плюшевый дневник?

Я не стала разыгрывать спектакль со случайно задетой книгой.

– Да, он.

– Могу я?..

Сапсанов протянул руку, хотел прикоснуться к плюшевой обложке. Но тут меня одолели сомнения.

– Разрешите, Игорь Дмитриевич, я еще немного с ним поработаю? Обещаю вернуть в том виде, в каком взяла.

– Только не уносите из этой комнаты, – попросил Сапсанов после паузы. – Он мне скоро понадобится.

– Хорошо, Игорь Дмитриевич.

Зачем он ему? Это меня озадачило.

Он уже почти вышел в коридор, когда я чуть не сказала ему вслед, что его дочь прекрасно рисует и даже пишет стихи. Что она не простая девочка. Что скучает по маме. Что ему бы следовало не муштровать дочь, а чаще проводить с ней время.

Чтобы такое произнести сейчас, надо быть зверем, решила я.

Сапсанов на секунду замер, а потом вышел из комнаты.

Глава 2

Оставшись одна, я, уже не скрываясь, присела на край кровати и продолжила листать дневник. Записи менялись – это я наблюдала некую эволюцию душевного состояния человека, который вел этот дневник. Рисунков становилось меньше, стихи пропали вообще. Появились коротенькие заметки, иногда без указания даты. Скорее, они напоминали мысли ни о чем и обо всем на свете, но порой несли какую-то смысловую информацию.

«Он совсем придурок. Не знает, во что ввязался».

Интересно, о ком это она?

«Кажется, я так и не научусь никому верить. Буду делать вид, прокатит. Все лгут. Все без исключения».

Знакомые мысли. Помню, в ее возрасте я вообще мало кому верила. Казалось, что так будет всегда. А потом это чувство сменилось осознанием того, что взрослые тоже имеют право ошибаться.

Последняя, недавно сделанная запись в дневнике Ксении была совсем непонятной:

«Это и страшно, и весело. Пусть все закончится хорошо. Иногда единственный, кто поможет решить проблему, сначала кажется врагом».

О ком это она?

Больше никаких записей в дневнике не было. Я аккуратно вернула его под покрывало и еще раз осмотрела комнату. Ничего, что могло бы натолкнуть на мысли о побеге Ксении из отчего дома – а это я тоже взяла за причину исчезновения, – я не обнаружила. Перебирая стоявшие на подоконнике коробочки и баночки, я вдруг нашла в одной из них свернутые в трубочку купюры. Пересчитала – ничего себе, почти пятнадцать тысяч рублей. Вряд ли побег состоялся без этих денег. Значит, плюсуюем к версии о похищении.

Лаки для ногтей, блески какие-то, кремы и помады дорогих брендов, пара флаконов недешевых духов, а в шкафу-купе целый арсенал одежды и обуви на все сезоны – она мало в чем нуждалась. Но хотя в ее комнате было почти все для того, чтобы жить и не тужить, все же что-то намекало на то, что Ксения Игоревна Сапсанова не чувствовала себя здесь как дома.

Особняк Игоря Дмитриевича не был наполнен всякой золоченой или мраморной вычурной показухой, которой некоторые богачи любят украшать свои жилища. Ни статуй, ни декоративных фонтанчиков, ни собранных в гармошку атласных гардин здесь не наблюдалось. В доме было много света, но мебель имела темные оттенки, так же, как и немногочисленные напольные ковры или светильники. А сама мебель, кстати, явно не выписывалась из-за границы. В общем, обстановка, в которую я попала, была аскетично-икеевской, но наличие прекрасного вкуса чувствовалось во всем. Сму-

щали только эти расписные настенные тарелочки, которые я увидела на втором этаже. Ну, может, это дело рук кого-то из домашних. Увлекаются же люди всяким-разным. Пришлось мне как-то сопровождать на ежегодном благотворительном съезде одну тарасовскую телеведущую, которая все четыре дня, которые мы провели вместе, приглашала меня после работы зайти к ней домой и обсудить прошедший день за чашкой чая. Там я услышала от нее массу закулисных историй, о которых никогда не напишут в газетах, а также была сильно удивлена одним фактом. Дама, казавшаяся, мягко говоря, не совсем умной, просто поддерживала такой имидж на публике. Дома же занималась совсем другим – выхаживала покалеченных жизнью бездомных животных, которым, как правило, не дают надежды ветеринары. Она держала больное зверье в специально для этих целей отведенной комнате, которую оборудовала под мини-лазарет. Устроила там целый госпиталь. И никому об этом не рассказывала. Меня тоже попросила молчать.

– Понимаете, Женя, ведь если люди узнают, что я из пипетки выкармливаю подвальную крысу, то, конечно, это будет мне в плюс. Сначала. А потом все перевернут и поднимут на смех.

– Отчего же вы не пользуетесь ветлечебницами? – спросила тогда ее я. – Думаю, вам бы там не отказали.

– Именно там мне и отказали.

– Вы занимаетесь этим без помощников?

– Моя домработница имеет высшее ветеринарное образование. Когда меня нет, она тут всем заправляет. И мне самой нравится с ними возиться. Понимаете? Мне помогают и другие люди, конечно. И я прилично плачу им за их молчание.

– Мне не нужно платить, – сказала я. – Я вообще могу ослепнуть ради дела.

Я ее понимала. Понимаю и сейчас, спустя время. И не вижу связи между ее публичным образом и ночными бдениями возле капельниц, которые она вместе со своими помощниками ставит всякой живности.

Другой мой клиент – ювелир, «золотые руки» – очень любил строить дома из шоколадных батончиков. Один такой «небоскреб» упирался в потолок его квартиры. Это была копия Большого театра. Я до сих пор пребываю под некоторым впечатлением.

В общем, разные увлечения у людей случаются. Сапсанов вот, владея огромным состоянием, не спешит украшать свой особняк самоцветами. Тоже, можно сказать, хобби. Или диагноз. Называется «Синдром отшельника».

Вспоминая и размышляя, я незаметно дошла до другого конца второго этажа, спустилась по лестнице и увидела огромную кухню, в самой середине которой был установлен здоровенный кухонный стол. Возле него спиной ко мне стояла невысокая немолодая женщина. Понимая, что могу напугать ее своим внезапным появлением, я решила «постучаться» в стенку высокого шкафа, стоявшего около входной

двери.

Женщина обернулась. Я увидела на столе разделочную доску с огромным букетом свежей петрушки. В руке у женщины был нож.

– Здравствуйте, – как можно дружелюбнее сказала я. – Извините, если отвлекаю.

– А вы кто? – недобро спросила она и бросила тревожный взгляд мне за спину.

– Евгения, – протянула я руку. – Знакомая Игоря Дмитриевича. Еще раз прошу прощения.

Женщина положила нож на доску и тоже протянула мне руку.

– Иза, – представилась она. – Повар я. Или кухарка. Как угодно. Вам, наверное, что-то надо? Просто так на кухню знакомые Игоря Дмитриевича не приходят. Перекусить хотите? Водички? Или что?

– Ничего, спасибо. Вы, наверное, в курсе, что произошло с дочкой Игоря Дмитриевича.

– В голове не укладывается... – прошептала Иза, – я как раз суп приготовила на всю ораву, а тут охранник по местному телефону позвонил. Сообщил, что девчонку украли. Боже мой, боже мой! А хозяин что, уже полицию вызвал? – удивилась Иза. – Быстро он.

– Не вызвал, – успокоила я ее. – Я не из полиции. С сегодняшнего дня я должна была работать здесь телохранителем Ксении, но вышло так, что мы даже встретиться не успели.

Лицо Изы вытянулось.

– Чудеса, – проговорила она. – Чего ж он раньше-то этого не сделал?

– Вы о чем? – не поняла я.

– Говорю, почему раньше к ней никого не приставил? – повторила Иза. – Может, и цела была бы сейчас девочка.

Похоже, Иза всякого навидалась в своей жизни, если даже не удивилась тому, что стоявшая перед ней девушка может кого-то охранять и защищать.

– Значит, я была бы первой в своем роде?

– Ну, до вас никаких телохранителей у Ксюшки не было. Я бы точно знала.

– Близко общались?

– Ну, так, – Иза повернулась к столу и удобнее взялась за пучок зелени. – Женщин в штате не так много, а тех, кто работает давно, можно пересчитать по пальцам на одной руке. Я вот почти десять лет тут.

Она стала заправски рубить зелень. Расправившись с ней, отнесла прямо на разделочной доске к кухонной плите и засыпала в большую суповую кастрюлю.

– Гороховый, – сообщила она. – Не желаете тарелочку? Наваристый, на ребрышках, с травками всякими.

– Да вы знаете... с учетом обстоятельств... Не до еды как-то.

– Никому кусок в горло не ползет, – согласилась Иза. – И мне тоже. Ничего. Дело сделано, еда готова. Если кто за-

хочет, то вот она.

– Вы сказали, что работаете здесь почти десять лет, – слово невзначай напомнила я.

– С первого дня. Как хозяйева приехали, так тут и обитаю.

– Тогда семья еще была полной?

– Точно, – с сожалением в голосе ответила Иза. – Недолго счастье тут царило. Они сильно цапались между собой, родители-то. Няня в такие моменты быстренько уводила Ксюшку на улицу, чтобы ребенок ничего не слышал.

– Из-за чего ругались-то?

– Не могу сказать, – пожала плечами Иза. – Их крики до кухни не долетали. Правда, Юля...

– ...бывшая супруга?

– Да. Юля потом приходила вся зареванная, с пятнами на лице.

– К вам приходила?

– Не ко мне, кто я ей такая, – махнула рукой Иза. – Она, как и вы, очевидно, просто таким путем шла на улицу. Вон через ту дверь, – указала рукой Иза. – Это один из выходов. В доме их три: вот этот, потом есть еще один проход, но он для тех, кто работает с садом-огородом, и третий, главный. Там, где крыльцо.

– Да, крыльцо я заметила. Так что же Юлия?

– Ну что, – Иза поставила на стол две чашки, потом при-тащила из холодильника трехлитровую банку. – Компот из яблок с мятой. Попробуйте. Ну, все равно же разговарива-

ем, так чего бы не попробовать? Сама делала, не отравлю, не бойтесь.

Компот мне понравился. К тому же моя новая знакомая вовремя разговорилась.

– Так вот, Юля, да. После ссор часто уходила на улицу, потом возвращалась. Игорь Дмитриевич распорядился тут скамеечки везде поставить, ну земли-то много, почему же не поставить-то? Вот она и сидела на одной такой скамеечке. Каждый раз на одной и той же. Это совсем на краю участка, – махнула рукой Иза. – Посидит, бывало, поплачет, а потом обратно идет. Как на каторгу.

– Она долго тут жила?

– С год примерно. Когда они разводиться начали, то она переехала на первый этаж, там ничейная комната была. Знаете, чтобы гости могли остаться на ночь. Вот там и обитала. Так вот, о разводе. Я догадывалась, что дела идут не в ее пользу. Уж как она за дочь билась, ой. Ну, кто может отнять у психически нормальной и дееспособной матери ребенка?

– У Игоря Дмитриевича, видно, были иные мысли? – предположила я.

– Ни в какую не соглашался, – Иза залихватски отпила из чашки компот, потом со стуком поставила ее, пустую, на стол. – Уперся. Дочке, мол, будет лучше со мной, чем с матерью. Потому что я смогу обеспечить, и все такое. Юля до последнего не верила, что у нее заберут дочь.

– Это она сама так сказала? – спросила я.

– Именно так и сказала, – ответила Иза. – Единственный раз, когда она вообще открыла рот на эту тему. Вечером перед тем последним судебным заседанием Игорь Дмитриевич домой приехал поздно. Пока его не было, она пришла сюда, притащила бутылку какого-то дорогушченского вина и налила по стакану себе и мне. За победу, так она сказала. А еще сказала: я знаю, вы, Иза, меня понимаете. Мы пили за удачу, вот что я вам скажу. Словно пытались ее задобрить.

Мы помолчали.

– Ну, о том, что стало потом, вы все и сами наверняка знаете, – продолжила Иза. – И никаких телохранителей Игорь Дмитриевич к дочери никогда не приставлял. Был с ней строгим отцом, часто ругал, отчитывал за всякие мелочи. Мне кажется, он приучал ее к какой-то другой жизни. Не к той, которой жил сам. С чего вдруг сейчас решил ее охранять? Почему не раньше? Не понимаю... Да и у кого теперь спросишь? В тот день, когда ему присудили полную опеку над ребенком, он привез ее из школы, собрал весь персонал у себя в кабинете, как сейчас помню. И говорит: это вот моя дочь, которую вы все прекрасно знаете – и теперь она только моя. С ее мамой мы развелись окончательно, ребенок судом оставлен мне. Никаких, сказал, не хочу слышать разговоров на эту тему. Услышу – ждите последствий. Тяжелый был момент, признаюсь вам. Но вы же понимаете, что рот не зашьешь. Я тайно звонила Юле, когда Ксюшка была рядом, давала ей трубку, чтобы они пообщались, но потом нам при-

шлось прекратить эти игры: Ксюшка сильно расстраивалась после таких разговоров. Понятное дело – хотела к матери. Игорь Дмитриевич просек, что к чему, и сделал мне строгий выговор. Я потом даже с давлением слегла. Сказал, что все понимает, но для Ксении контакты с матерью будет устраивать только он, и все. Не лезь, Иза, сказал, не твое это дело.

– А где сейчас мама Ксении?

– Она устроилась работать в парикмахерскую. В ту самую вернулась, где и познакомилась с будущим мужем. Ксюшкина школа находится неподалеку.

Она, словно что-то вспомнив, резко подошла к плите, сняла крышку с кастрюли и стала помешивать суп. Я поняла, что разговор окончен.

По кухне поплыл аромат горохового супа. Такого, который со всякими травками.

Попрощавшись с кухаркой Изой, я толкнула дверь, ведущую на улицу, и увидела задний двор имени Игоря Дмитриевича Сапсанова.

Участок, на котором он обосновался, был поистине огромным, ипподром на нем вполне можно было бы устроить. Высокий бревенчатый забор уходил куда-то вдаль, за ним шелестели березы. Я увидела беседку, пристроенную к дому большую террасу с мангалом. Наверняка где-то тут была и баня, но ее еще предстояло найти.

Неподалеку от меня какой-то парень возился с теми са-

мыми колючими кустами, которые мне были уже знакомы. Только вот росли они в другом месте. Судя по тому, что руки парня были в толстых рукавицах, а тело защищал рабочий комбинезон, он вполне мог быть из числа obsługi.

– Господи! – вскрикнул он от неожиданности, когда я подошла к нему. – Я чуть лицом на эти пики не наделся! Не пугайте так.

Пиками он назвал острые ветки кустов. На них вот-вот должны были проклюнуться почки.

У ног молодого человека лежали садовые ножницы. На пояском ремне болталась простенькая переговорная рация.

– Вы кто? – в упор спросил он меня.

– Меня зовут Женя.

Он смотрел на меня с недоверием, пришлось коротко рассказать ему, кто я и что тут делаю. Послушав, он хмыкнул:

– И вы верите каждому слову Сапсанова?

– В смысле...

– Вы же были в доме, – утвердительно кивнул он.

– Откуда вы знаете, что я там была? – не поняла я. – Кусты – прикрытие, а вы просто шпионите за теми, кого видите?

– Просто я слышал, как открывается дверь, – ответил парень. – Открылась и закрылась по одному разу, а потом подошли вы, тоже в единственном числе. Я Константин.

– И вы, зная, что кто-то рядом, так испугались меня, что чуть сознание не потеряли? – усмехнулась я.

– Я растерялся, когда увидел незнакомое лицо, – пояснил

Константин. – Обычно тут ходят только те, с кем я знаком.

– Значит, знакомых вы бы не испугались, но Сапсанову нельзя верить, – не отставала я.

– Я про Ксюху, – он стянул рукавицы и положил их на голые ветки кустов. – Про то, что ее похитили.

Я почувствовала раздражение.

– Излагайте свои мысли яснее, пожалуйста, – попросила я. – Девушку затолкали в машину в метре от входа в собственный дом. Отец места себе не находит, а вы спокойно подстригаете кусты и несете какой-то бред о том, что похищения не было? Я правильно вас поняла?

– Вы с хозяином давно знакомы? – прищурился он, доставая сигареты.

– А это имеет отношение к делу? – уклонилась я от прямого ответа.

– Понятно.

Что уж там ему стало понятно, я так и не поняла.

– Устраиваюсь на работу. Приехала на собеседование, – вышла я из положения.

– Ну, если пригласил в дом, значит, будете не в его офисе работать, – сделал вывод этот «садовник». – А кем берет-то?

– Меня-то? А там как пойдет, – я обвела взглядом участок. – Тут места много, лишними никакие руки не будут.

– Не хотите говорить, значит, – сделал вывод Константин. – Бойтесь, не доверяете... Что ж, все правильно. Вы меня не знаете, мы впервые видим друг друга. Все верно, все

так и должно быть... Ну, так я вам пару слов все-таки скажу. Это для того, чтобы собеседование вам не показалось слишком простым шансом обрести рай в этом месте.

– Пугаете, Константин?

– Я? Пугаю? – Константин так искренне изобразил удивление, что я ему почти поверила. Ох, какой актерище пропадает!

– Бегите отсюда, – тихо сказал парень. – Шеф наш серьезен до маразма и требователен до безобразия. Людей за людей не считает. Держит тут многих, как в рабстве. Недавно нанял себе вдруг личного водителя. До этого другие были, никто долго не задержался, тогда Сапсанов стал возить себя сам. И вдруг снова решил завести персонального водителя. Тот вскоре случайно и не по своей вине попал в аварию, сильно пострадал, долго будет лечиться. Думаете, Сапсанов ему выписал больничный? Не-а, никакой компенсации. Уволил к черту. Кухарку нашу может поднять среди ночи, чтобы она ему приготовила седло барашка. Это вам как?

Рация, закрепленная на поясе Константина, издала короткий треск. Тот хлопнул по ней ладонью.

– Барахлит оборудование, – объяснил он мне. – Нового не предвидится. Работаем с тем, что есть.

– Ага, – кивнула я. – Бывает. Так что там про седло барашка?

– А вот так захотелось ему. Среди ночи – и седло. Прислугу дергает по любому поводу: то ему лень из-за стола встать,

чтобы себе вискарю в стакан плеснуть, то занавески задернуть сам не может. Дочь свою держит в ежовых рукавицах. Как маленькая была, так еще сдерживался, но девчонка росла с няньками, а папашу видела редко. А как подросла – озверел вконец. Постоянно кричит на нее, за любой промах – домашний арест. Такой, чтобы еду ей туда на подносе приносили. Однажды поздно пришла домой – залепил ей пощечину при всех. А ведь опоздала всего-то на полчаса, приехала на такси, извинилась, все нормально... Накричал на нее при охранниках, они не знали, куда свалить от такого зрелища.

Я не прерывала его, понимая, что, возможно, такой информации больше ни от кого не узнаю. Но что-то свербило в мозгу: брешет ведь.

Он закурил сигарету и ткнул ею в кусты:

– Знаете, что это за кактус?

– Ну, видимо, это украшение. Элемент ландшафтного дизайна, – предположила я.

– А если хоть одна ветка не распустится, то наказание будет суровым.

– Лишит зарплаты?

– Сильно урежет, – сказал Константин. – Я не знаю, на какую должность он вас хочет взять, но мой вам совет – валите. И немедленно.

Я задумалась. Странно как-то получается. Первый незнакомец, которого я встретила, за первые пять минут знакомства вывалил столько негатива о своем начальнике, что было

неловко слушать. Все ли тут было правдой? И как это проверить?

Рация снова затрещала.

– Она всегда включена? – спросила я у Константина.

– Да нет. Порой таскаем их на всякий случай, но они почти всегда выключены. Говорю же, старье, такие уже не производят. Сапанов мог бы разориться на что-то другое, но почему-то не хочет.

– И сейчас рация выключена?

Константин осмотрел прибор, неловко изогнувшись.

– Нет, сейчас не выключена. Но я же сказал, что...

– На вашем месте я бы не стала так откровенничать с первым встречным, – дала я совет парню. – Вы не знаете, кто я такая. И, несмотря на то, что условия работы у вас, по вашим же словам, адские, а ваш работодатель – дьявол и плебей, вы все же не держите в данный момент в руках заявление об уходе по собственному. И ни слова не сказали о том, что собираетесь менять работу. Но меня прогоняете очень талантливо.

Я шагнула вперед, коснулась рукой рации и заглянула в лицо Константина.

– Она ведь была включена все это время, правда? Кто слышал наш разговор, Костя? Для кого вы так блестяще исполнили партию недооцененного работника? Вы в курсе, что дочь вашего хозяина только что похитили, и он не заслужил услышать подобные о себе слова именно в данный момент?

Константин собрался было что-то ответить, но тут из ра-
ции раздался прерываемый треском голос Игоря Дмитрие-
вича Сапанова:

– Пусть возвращается в мой кабинет, Костя. И тебя тоже
жду.

Константин вмиг преобразился. Словно сдули пыль с
бриллианта. Расправились плечи, посуровело лицо.

– Вас понял, – сказал он, глядя мне в глаза, после чего
уступил мне дорогу. – Прошу.

И едва заметно улыбнулся.

В кабинете было сильно накурено. Константин подошел к
окну и распахнул его настежь.

– Вовремя, – сказал Сапанов, сидящий в кресле за сто-
лом. – Давно так много не курил.

Мне показалось, что за время моего отсутствия его лицо
стало серым. И непонятно было, откуда такой эффект: то ли
от дыма, который клубился в комнате, то ли от того, что горе
сломало этого человека, как спичку.

– Сейчас проветрим, – успокоил меня Костя. – Игорь
Дмитриевич, мне остаться?

– Присаживайтесь, – обратился ко мне Сапанов, и я за-
няла уже знакомое мне кресло, – и знакомьтесь. Константин
Щеглов, мой помощник по дому, если можно так сказать.

– Привратник, – с улыбкой поправил его Щеглов, встав
около двери и заложив руки за спину. – Так будет вернее.

– Или так, – согласился Сапанов. – Слушай, привратник, не сгоняешь на кухню? Попроси нашу Изергиль приготовить нам кофе и чего-нибудь в рот кинуть. И про себя не забудь. А даме, – он посмотрел на меня, – пусть подаст все самое изысканное. И свежее!

Щеглов кивнул и исчез из кабинета.

– Мы что, – не удержалась я, – и отужинаем с вами, пока ваша дочь находится у похитителей?

– Кофе я пью постоянно, на кухню каждый, кто у меня работает, может зайти в любое время и взять все, что захочет. Разумеется, хозяйский холодильник они не открывают. Но и их меню достаточно разнообразно. И сейчас нам бы с вами не помешало кое-что обсудить.

– Понятно. В полицию так и не решились обращаться?

– Никакой полиции, Евгения, – твердо заявил Сапанов. – Иначе я могу уже сейчас заказывать дочери памятник.

– Ваши дела так плохи? – удивилась я.

– Не все люди играют по-честному, Женя. Иногда нужно принять их правила, чтобы применить свои. И успеть тщательно все обдумать.

– А как же тогда... время же идет, Игорь Дмитриевич!

– Я сделал пару звонков, пока вас не было. И с минуты на минуту жду ответа. Кроме полиции, есть и другие, кто имеет те же полномочия.

Мне был не понятен мотив его поведения, но я очень надеялась на то, что он хоть как-то прояснит ситуацию. Что ж,

значит, будем пить кофе, если это для пользы дела.

– А вы, оказывается, тот еще затейник, – я не сводила с Сапсанова взгляда.

– Это вы о чем?

– Щеглов ваш прекрасно исполнил роль недовольного чернорабочего, – пояснила я. – Эти садовые ножницы, комбинезон, колени в земле, простецкие выражения. Хотите знать, что его выдало?

– Интеллигентность? – предположил Сапсанов.

– Если бы. Рация, которая волшебным образом ловила сигнал даже в выключенном состоянии, – пояснила я.

– Рация... – медленно проговорил Сапсанов. – Да, рация.

Понимаю.

Он замолчал, уставившись в стену. Сцепил пальцы рук, потом снова расслабил. Как будто забыл обо мне. Словно провалился куда-то.

– Игорь Дмитриевич, – не дала я ему очередной возможности уйти с головой в этот жуткий вакуум, – вернитесь.

– Непременно, – встряхнулся Игорь Дмитриевич. – Так на чем мы... Щеглов работает со мной всего года три, но зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Много видел, многое знает. Умеет держать язык за зубами. Предан, дисциплинирован, умен. Мысль пробить вас на профпригодность пришла мне сразу же, как я понял, что вряд ли смогу воспользоваться помощью полиции. Звонок Щеглову – и он уже подстригает кусты, поджидая вас. Чувствуете, как запросто

я сливаю вам свои тайны?

– Всеми фибрами, – подтвердила я. – Изу тоже предупредили о том, что надо или не надо говорить?

– А вы и с Изергиль успели перекинуться? – удивился Сапсанов.

– Ласково вы ее называете.

– Только в кулуарах, – пояснил Сапсанов. – Что она там наболтала?

Нет уж, Игорь Дмитриевич. Всего я вам рассказывать не собираюсь. Это Ксению все равно не спасет.

– Ничего не наболтала. В шоке пребывает. Всего лишь парой слов перебросились, и все.

– И что же это была за пара слов? – настаивал Сапсанов.

– Она называет вас по имени-отчеству, Игорь Дмитриевич, а не дала вам кликуху, как это часто делают подчиненные, – сухо ответила я. – И очень сильно переживает за Ксению.

– Хитрая Изергиль, но зла за пазухой не носит, – сказал Сапсанов. – Разочарую – Изу я не просил поливать меня с ног до головы. Иза не играла никакой роли, если только не саму себя. Но вот насчет Константина могу сказать одно: он «переоделся» в недалекого умом работника, основываясь на настоящих мнениях реальных людей. Сталкивался с недовольными, все их претензии и озвучил, когда с вами говорил. Он как раз по таким делам спец. Рассматривает иски тех, кто работает в этом доме, выносит вердикты, занимается урегу-

лированием конфликтов. Если дело заходит слишком далеко, то приводит человека ко мне. В этом кабинете перебывало немало людей. Многие пересмотрели свои точки зрения и поменяли приоритеты. Те, у кого не получилось, здесь больше не работают.

– И не было никакого личного водителя, который попал в аварию? – вспомнила я рассказ Константина.

– Не было. Хотя попытки завести персонального кучера я периодически предпринимаю. Но больше склоняюсь к тому, что я сам себя должен возить.

– А я почти поверила, – солгала я.

Сапанов мелко покивал. Без слов поняли друг друга. Проверку, значит, я прошла серьезную.

– Игорь Дмитриевич, – сменила я тему, – если я вас правильно понимаю, то вы устроили мне тест. Проверили мои серьезные намерения помочь в поисках дочери, если можно так сказать.

– Все верно. Щеглов получил добро на склонение моего доброго имени. Вы должны были услышать обо мне много нехороших вещей. Со своей задачей он справился прекрасно. Все было предусмотрено, сдаюсь! – поднял он руки.

– Если вы отказываетесь обращаться в полицию, но не сообщаете мне о тех, к кому обратились за помощью или советом в отношении похищения Ксении, то, получается, что я единственный человек, который будет вести ее поиски? Кто эти люди, которых вы попросили помочь? Или на этом месте

ваше доверие ко мне заканчивается?

– Про тех, к кому я обратился, вам точно знать не нужно. А вот насчет того, что я хочу попросить вас помочь... Вот это уже вопрос интересный. Вы правильно все уловили. Вы будете постоянно на связи. И действовать под моим контролем. Сидите, – приказал Сапсанов, подошел к окну и снова достал пачку сигарет. – Сейчас все объясню, вот только Костя появится. А пока все же покурю – сердце не на месте.

Костя пришел очень скоро, неся в руках поднос с кофейником и бутербродами. Поставил его на хозяйский письменный стол и удалился. Даже слегка поклонился перед уходом. Или мне только показалось.

– В общем, дела такие, – сообщил мне Сапсанов, наполняя чашки. – Я понятия не имею, кто забрал дочь. Есть наметки, правда. Интуитивно чувствую, откуда может дуть ветер. Первая, кого бы я стал подозревать, это Юлька. Бывшая моя супруга, мать Ксении. Суд после развода постановил, что ребенок будет жить со мной. Юлька же до сих пор не может смириться. Пытается вернуть дочь. Это утомляет.

– Я вас поняла.

Я решила чуть позже подробнее расспросить его о том, какие отношения сейчас у него с бывшей женой. А еще о том, каким образом она его утомляет. Пусть говорит, я все разберу по полочкам после.

– Кто еще под подозрением, Игорь Дмитриевич?

– Это другая сторона моей жизни. Бизнес.

– Кто-то из вашего окружения, – предположила я.

– Дела рабочие, Женя, – нахмурился Сапсанов. – Организации... они как люди. Дружат, помогают друг другу, враждуют, уничтожают противника под корень. А иногда действуют по-другому. Думаю, вы догадались, что особняк я не из дешевого конструктора и не за один вечер слепил. И не купил у кого-то. Я работал как вол, а еще тащил на себе семью, решал много проблем... Ладно, речь сейчас не о семье. Давным-давно, когда я только начинал в бизнесе, со мной в команде были еще люди. Кто-то позже отпочковался, так и не сумев вовремя выстроить вокруг себя и своего дела каменную стену, а кто-то просто испугался. Кто-то нашел другое ремесло и на этом успокоился. Я – остался. Прошел все круги ада, чтобы добиться того, что имею. И, разумеется, получил бонус в виде конкурентов.

Мы вместе начинали в коммерции и, признаюсь, не всегда были честны друг с другом. Это моя боль, Женя, но теперь уже ничего не исправить, даже если сильно постараться. Только хуже будет. Из всех, с кем мы были у истоков, так высоко поднялся только я. Другие тоже организовали свое дело, крепко стоят на ногах. Мы не сотрудничали, и слава богу. Давным-давно отношения между нами испортились, и это я еще мягко выразился.

– Чем же вы им так насолили, Игорь Дмитриевич? – осторожно спросила я. – Или сейчас где-то дорогу перешли? Или они что-то не то сделали?

– Они давно и неплохо меня знают. Загружать вам голову не буду, подробности не столь интересны, да и рассказывать долго. Скажу только, что кое-кого из тех, кто не желает мне добра, я подозреваю в похищении Ксении. В наших кругах некоторые способны на многое. А если речь идет о собственном благосостоянии, то в ход пойдут все приемы, уж поверьте.

Он снова замолчал.

– Значит, подозреваемых элементов двое: бывшая жена и конкуренты. На кого ставите?

– Не знаю. Мне нужно время, чтобы все обдумать. Не могу сказать. Впрочем, это теперь ваша забота.

Сапсанов не мог найти себе места: снова подходил к окну, потом опять возвращался ко мне, а через пять минут перемещался за свой рабочий стол, чтобы повторить тот же маршрут в обратном порядке. Несколько раз он заглядывал в свой айфон, что-то искал там, кому-то что-то писал. Видно было, что он сильно нервничает, но держит себя в руках.

Пока он думал, где ему будет спокойнее находиться, я решила попудрить носик. Открыв сумку, достала пудреницу, хотела положить на край стола, но промахнулась. Пудреница шлепнулась на пол. Сделала я это специально, Сапсанов лишь бросил на меня взгляд, оценивая обстановку. Ну, уронила девушка «штукатурку» на пол, ничего страшного. Девушка же, наклонившись, подцепила кончиком ногтя маленькое подслушивающее устройство – «жучок», который

был под крышкой открывшейся пудреницы. Я уже придумала, куда его установить – под крышку журнального столика, впритык к месту крепления опорной ножки. Вряд ли эти места так часто посещает тряпка для уборки, а уж пылесос туда просто не доберется. Да и слышимость из этой точки будет отменной – «жучок», спрятанный в таком удачном месте, будет ловить любой звук, а мне этого только и надо было.

Когда я училась в «Ворошиловке», нас предупреждали о том, что шпионские службы всех рангов очень жалуют подслушивающие устройства, работающие в автономном режиме. На момент моего обучения время работы таких приспособлений было очень недолгим. Но прогресс не стоит на месте. На рынок постоянно выбрасываются новые модели. В мире появляется все больше интересных вещей, без которых любой шпион стал бы безработным. Сейчас для меня таким предметом и был «жучок», приобретенный не так давно, но уже пару раз опробованный в деле. Без подзарядки такая штучка могла работать от восьми дней до двух недель. Осталось ее активировать через мобильник, и я смогу слышать любой звук, прозвучавший в этой комнате в любое время дня и ночи.

Я приклеила «жучок» пальцем и, наконец, выползла из-под столика с недовольной миной – пудра стоила немалых денег, но главная ее ценность была в том, что она имела нужный мне оттенок, который сегодня днем с огнем не сыщешь.

– Извините, пожалуйста, – прижала я руку к груди. – Фу-

тляр скользкий, постоянно роняю.

– Что? – прозвучал голос прямо у меня над головой.

Черт возьми, все это время Сапсанов стоял рядом? Не дай бог.

– Пудра, говорю, укатилась, – повысила я голос и достала из сумки таблетки от головной боли. – Стакана воды не найдется?

Сапсанов взял со своего стола графин, снял с полки стакан. Приняв таблетку, я открыла-таки пудреницу и внимательно осмотрела лицо.

– Слушайте, – вдруг сказал Сапсанов.

Я тут же прикинула, в какое место на его теле врежется моя нога.

– Мысль пришла. Насчет конкурентов, – продолжал он.

– Внимательно вас слушаю, Игорь Дмитриевич.

– Я ни слова не сказал секретарше о том, что собираюсь нанять вас телохранителем. Не думаю, что она догадалась – с чего бы?

– Действительно, – согласилась я. – С чего бы ей догадываться?

– А вы ей не сказали?

– Если честно, я предполагала, по какому поводу вы хотите со мной встретиться, но нет, я не делилась с ней своими догадками, – призналась я. – Как правило, потенциальный клиент связывается со мной напрямую, без обиняков излагает свою просьбу, а потом мы встречаемся и заключаем дого-

вор. Иногда от имени клиента может позвонить его личный помощник, заместитель или, как в вашем случае, секретарь, но никто не произносил слово «телохранитель». Так что, если вы сами не рассказали Лере о том, зачем хотите со мной встретиться, то все чисто – она не знает, зачем вы хотели меня видеть. Знает только, что я вам зачем-то понадобилась.

– Поработайте у меня в офисе, – выдал Сапанов. – Просмотрите там все, проверьте, прощупайте.

– А в каком качестве мне выступать?

Сапанов задумался на секунду и щелкнул пальцами:

– Есть один журнал, где пишут всякие новости о недвижимости. Вы будете сотрудницей этого журнала. Название вам ни о чем не скажет, но от вас и не потребуется вникать в тонкости строительных мероприятий.

– Вот спасибо, – вырвалось у меня. – Тогда в чем будет состоять моя «игра»?

– Журналистка, которая просто собирает материал для статьи. О том, как работается в офисе Игоря Дмитриевича Сапанова. Над чем работают сотрудники. Как работают. Что их привело ко мне в контору. Что нравится, что бы немного подправили. Чем недовольны. Может, не той марки печенье я им на общую кухню для ланча заказываю? Шапочку можете просмотреть файлы с уже готовыми проектами или те, над которыми мы сейчас работаем. Они у ребят в компах висят, я подскажу, какие проекты там попроще. Поулыбаетесь, можете взять пару интервью у кого угодно –

главное тут отвести внимание конкретно от меня. Пусть люди думают, что вы преследуете цель написать статью, выставив меня в невыгодном свете.

– Может, наоборот, в выгодном?

– Именно в невыгодном, Женя. Тогда с вами будут говорить более откровенно. Человеческая природа сложна и проста одновременно: скажите любому, что его шеф – скотина, и он непременно станет искать этому подтверждение, даже если его нет. А нам только это и надо, не так ли? Тот, кому комфортно, не станет этого делать. Ваша задача – выйти на того, кто только делает вид, что рад на меня работать. Скорее всего, это и будет «засланец» от тех, кто может быть причастен к похищению дочери.

Он замолчал, а я сидела и переваривала все, что он только что предложил. И мне нужно было очень хорошо все обдумать. Но Сапсанов решил добить меня контрольным в голову.

– Начнете завтра, – решил он, не дав мне сказать ни слова. – Прямо с утра и приступите. На работе я с восьми утра. Секретарша приходит одновременно со мной. Она-то и познакомит вас с коллективом. Подъезжайте к половине девятого.

Стало понятно, что он все решил, и я просто обязана подчиниться. Обжалованию его решение, кажется, не подлежит. Жаль, не дал опомниться, но это уже мелочи – у меня вся ночь впереди.

Игорь Дмитриевич тем временем остановился в центре кабинета и принялся снова терзать айфон.

«Никаких новостей», – поняла я, помня, что он ждет от кого-то помощи.

– Никаких новостей, – словно прочитав мои мысли, сказал Сапсанов. – Люди, к которым я обратился за помощью, видно, не имеют возможности сейчас мне ее оказать. Жаль. Очень жаль, – повысил он голос. – Мне жаль, твою мать!

Пролетевший через весь кабинет графин, который он сорвал с журнального столика и метнул через весь кабинет, погиб на месте, чуть не пробив стену над креслом за письменным столом. По кожаной спинке кресла тут же потекла вода, на пол и стол с громким стуком обрушились осколки толстого стекла.

Я перевела взгляд с места трагедии на Сапсанова, лицо которого уже и лицом-то было нельзя назвать.

– Игорь Дмитриевич...

Дверь кабинета распахнулась так резко, что ударилась о стену. На пороге стоял Константин Щеглов. В три секунды он осмотрел меня с ног до головы и медленно зашел в помещение. Остановился, глядя в спину шефа.

– Шеф? – едва слышно позвал он.

– Все в порядке, Костя, – спокойно ответил Сапсанов. – Можешь забрать поднос, мы закончили. А потом позови уборщицу.

– Конечно.

Костя быстро собрал на поднос чашки и ушел. Сапсанов посмотрел ему вслед, а потом протянул мне руку:

– Вы свободны, Женя. До завтра.

Я схватилась за протянутую руку и поднялась из кресла. Подобрала с пола сумку. Подошла к двери.

– Секунду, – остановил меня Сапсанов, вернулся к письменному столу и достал из верхнего ящика тонкую серую папку.

– Здесь фото тех, кто следил за Ксенией. Не очень хорошего качества, но я пометил объекты маркером. Все фото датированы, на них же указаны места, где все это происходило.

– Спасибо, изучу, – я поместила папку в сумку.

– Извините, сорвался, – выдавил из себя Сапсанов.

– Я все понимаю.

– Дорогу-то найдете? Или проводить?

– Уж как-нибудь справлюсь, – ответила я. – До свидания.

Оказавшись за воротами, я вдавила педаль газа в пол. И только тогда, когда отъехала от особняка Сапсанова на приличное расстояние, активировала подслушивающее устройство, которое установила у него в кабинете. Теперь пусть оно работает там без меня. Главное, чтобы его никто не обнаружил.

По пути домой я позвонила тете Миле.

– Как дома, тетя Мил?

– Порядок. Тебя чего-то долго не было.

– Уже еду. По пути заверну на заправку.

– Аккуратнее там.

На заправке я заметила, что у машины почти спустило колесо. Пока нашла механика, пока договорились, пока поправили... время упорно не желало останавливаться. Я все делала механически, из головы не выходили слова Сапсанова о том, что на его дочь могла вестись серьезная охота. В результате она увенчалась успехом. Как же страшно не знать, что произошло с твоим родным человеком!

Взять тетю Милу. Пару раз она выходила из дома «за хлебушком, пока теплый привезли», и могла пропасть часа на полтора или два. На днях вообще провалилась куда-то. Не отвечала на звонки, не сидела у соседей. Не стояла на улице, беседуя с кем-то, кого встретила случайно. Когда я пробежала по всем местам, где она могла быть, тетя вдруг проявилась из ниоткуда.

– Тетя Мила! Какого лешего, где ты?

– На выставке, – спокойно ответила тетя Мила. – Тут попросили телефоны поставить на беззвучный режим.

– На какой выставке, ты же за хлебом вышла?!

– А попала на выставку, – раздраженно ответила тетя Мила. – Выездная выставка в трех автобусных остановках. Афиши на каждой стене. Слушай, Жень, там так красиво. Нас такие интересные вещи окружают, а мы и не знаем!

– Что за выставка-то?

– «Матрешка как символ развития мужской сексуально-

сти в ряде стран Африканского континента». Так на рекламке написано.

– Страшно представить, что ты увидела на той выставке, – бесилась я.

– Всякое, – ответила тетя. И добавила, подумав: – Не каждому дано понять.

– Дуй домой, – разозлилась я тогда. – И про хлеб не забудь. Нет! Я сама куплю.

Приведя «Фольксваген» в порядок, я поехала восвояси. Тетя Мила, как мне представлялось, наливала воду в чайник, раздумывая, что и в каком количестве сможет запахнуть в мой желудок во время ужина. И она наверняка снова заведет разговор о том, что где-то какой-то мужчина страдает по мне, не спит, не ест и теряет в весе.

Я ошиблась. Тетя открыла мне дверь, сияя, словно натертая до блеска лампа Аладдина.

– Это что же такое с тобой случилось? – поинтересовалась я.

– Познакомилась на выставке с мужчиной, – расплылась тетя еще больше.

– На той самой выставке? – оборвала я ее. – Я не ошибаюсь?

– Совершенно верно.

– Я сейчас очень устала, родная моя, – обняла я ее за плечи. – Но завтра ты мне все расскажешь, хорошо?

Я была уверена, что тетя Мила снова нашла мне спутника жизни. Того самого, единственного.

Приняв душ, я сразу отправилась в постель. Тетя Мила ходила вокруг меня кругами. То какие-то вещи взять, то положить их обратно, то вдруг занавески поправить.

– Так, – обратила я на нее внимание. – Говори.

Она тут же радостно села на край кровати.

– Он замечательный, Женя. Сам подошел ко мне, сам разговорился. Умный. Веселый. Симпатичный очень. Пригласил на свидание, короче, – выпалила тетя и замолчала, ожидая моей реакции.

– Так это ты про *своего* мужчину говорила? – облегченно улыбнулась я. – А я-то...

– Тебя я поставила на паузу. Оказывается, что и я еще могу вызывать интерес у мужского пола.

– Мужик на выставке африканских матрешек – это аргумент, тетя Мил. Когда свиданка?

– Я раздумываю, – приподняла бровь тетя.

Дома я всячески стараюсь откреститься от работы, если это получается. В конце концов я просто должна иметь возможность заснуть, не гоняя мысли. Если честно, получается не всегда. Сегодня как раз был такой случай.

– Если решишься, то смело можешь брать мои шмотки, сумки или что там тебе еще понадобится.

– Женя, – мудро улыбнулась тетя Мила и накрыла своей ладонью мою. – Зря ты думаешь, что я в чем-то не догоняю

или вообще не шарю. Тебе тяжело, что-то случилось, это было слышно еще по твоему голосу, когда ты мне звонила. И я тебе со своими рассказами сейчас вообще не упала.

– Что за сленг, тетя Мила? – не поверила я своим ушам.

– Не первый год на этом свете живу. Возьму твою синюю сумку. Спасибо.

Она вышла из моей комнаты с легкой улыбкой на губах.

Я достала мобильный, прослушала запись, которую мне прислал мой «шпион» из кабинета Сапанова. Она была короткой и не содержала никакой важной информации. Судя по звукам, в кабинете произошла уборка, потом Сапанов кому-то что-то стал рассказывать о каких-то инвестициях. При этом он использовал отдельные слова, которые воедино я никак не могла связать в силу того, что была не сильна в вопросах, касающихся инвестиций и всего, что с этим связано. Но чуть позже Сапанов поговорил с другим человеком. Это явно была женщина. Он спросил, как у нее дела, все ли нормально и все ли тихо вокруг. Попросил потерпеть. Пообещал вскоре все уладить. На этом все закончилось, что означало одно – кабинет Сапанова опустел.

Этот последний разговор лишил меня сна окончательно. У него украли дочь, а он с кем-то говорит об инвестициях? Это как понимать? Сила воли у человека такая? Видела я его силу воли в виде летящего в стену графина. И что за мадам, о которой он так беспокоится?

Чертыхаясь, я отбросила одеяло и пошла на кухню, где соорудила горячий бутерброд с сыром и заставила тетю Милу разделить эту вредную для фигуры трапезу на двоих.

Глава 3

Первое, что я увидела утром, выйдя на кухню, был светлый образ тети Милы, которая порхала ангелом, одетым в небесно-голубой, фиг его знает откуда вытасченный, но модный кружевной халат. В душе тети явно играла музыка, которую не слышали другие. Иногда мне встречаются люди, пребывающие в подобном состоянии. Для них все вокруг – счастье и благодать. И если они находятся в таком дурмане, то могут с легкостью заразить им и других, даже не чихая в их сторону, не пользуясь одной с ними посудой, даже не прикасаясь к ним. Но это происходит только в том случае, если у претендента на заражение не срабатывает иммунитет.

У меня вот, особенно во время работы, иммунная система просто пуленепробиваемая.

В общем, мотылек по имени тетя Мила был влюблен, и крепко. Я такой ее не видела. Мужик с выставки африканских матрешек, видимо, глубоко запал ей в душу.

– Ой, – тетя прижала руку к груди, увидев меня, – рановато ты. Заболела?

– Почему это?

Даже обидно стало. Я молода, слезу за собой, сплю по возможности положенное количество часов. Неужели я так плохо выгляжу?

– А так как за окном всюю бушует весна, – заметила тетя

Мила, – то народ подхватывает всякие респираторно-вирусные.

Я посмотрела в окно, за которым всюду бушевала весна – погода пасмурная, с неба летят редкие неопознанные осадки, ни одна почка и не думает распускаться. Но тетя этого видеть не хотела.

– Глазки усталые, – пояснила тетя, тут же хватаясь за чайник. – Ты посиди, отдохни.

– Отдохни? – не поняла я. – Я только что после сна. От чего мне отдыхать?

– От сна и отдохни, – посоветовала тетя Мила. – Организм проснется и сам даст понять, все ли с ним в порядке.

– Чай в тему, – я взяла из рук тети чашку с чаем. – А теперь расскажи-ка мне, дама в одежде цвета лазури, что с тобой происходит?

Тетя Мила таинственно улыбнулась.

– Он позвонил, – объявила она. – Мой вчерашний новый знакомый, если ты помнишь.

– Как такое забудешь, – чашка была отставлена в сторону. – Когда это он успел?

– Ну, вот, успел. Рано, да. Извинился. Пояснил, что уезжает по делам из Тарасова на две недели, но перед этим, Женя...

– ...хочет с тобой встретиться, да? – я снова поднесла чашку ко рту.

– Ты только что все опошшила, – обиделась тетя Мила.

– Где?

– Женя, я давно так не радовалась утренним лучам солнца.

– Каким лучам? – я снова посмотрела в окно. – Там же все облаками затянуто. Так, и куда вы намылились? – я уже не выбирала выражений. Мне этот Матрешечник не нравился все больше.

– В ресторан, – ответила тетя Мила.

– В какой?

– «Матрешка».

Произнеся название ресторана, тетя Мила замерла. Видно, не сразу дошло.

– Как интересно, – вырвалось у меня. – Новый, наверное. Тетя рассмеялась. Я тоже не смогла сдержать улыбку.

– Так. Мой организм только что дал мне понять, что он в порядке, – я взяла тетю Милу за руку и крепко ее пожала. – Скорее всего я сегодня буду работать целый день, но ты, пожалуйста, не расслабляйся.

– Я не ребенок, Женя.

– Именно, что не ребенок, – согласилась я. – Но доверяться целиком и полностью первому встречному не советую. Даже если очень захочется. Во сколько рандеву, еще не известно?

– Нет, – ответила тетя Мила. – Тебе сообщить?

– Непременно, – кивнула я. – Обо всем сообщить и держать меня в курсе. И не отключай мобильник, договорились?

– Конечно, – ответила влюбленная лань.

Глядя в ее счастливые глаза, я очень хотела, чтобы у нее и с ней в этот вечер все было хорошо.

– Надо будет попросить секретаря заказать тот самый кофе.

– Который горчит?

– Он должен горчить, сорт такой.

– А что с кварталом?

– С недельным бы разобраться. За двоих делать придется. Ленка на больничном, только что позвонила.

– А чего с ней?

– С ней ничего, а у дочки температура.

Я стояла, слушая разговоры людей, торопившихся на работу, прижавшись к стенке лифта, который несся на этаж, где расположился офис Сапсанова. По пути лифт останавливался, соседи по кабинке менялись, до места назначения доехали только я и полная девушка в офисном костюме. Она первой вышла из лифта и поспешила на свое рабочее место. Посмотрев ей вслед, я порадовалась тому, что не сильно буду выделяться среди толпы в плане дресс-кода – бежевая блузка и черная юбка такого варианта не предполагали.

Секретарша Игоря Дмитриевича узнала меня и сразу же сообщила о моем прибытии шефу. Сапсанов тут же меня попросил зайти в кабинет.

– Вы опоздали, – объявил он, стоя в центре кабинета. – Рабочий день начался пятнадцать минут назад.

Строгий внутренний распорядок нарушили, видимо, только я и девушка в костюме.

– Я пришла позже с намерением застать всех сотрудников уже на своих рабочих местах, – пояснила я. – Чтобы охватить как можно больше людей во время опроса.

Сапсанов совсем не выглядел уставшим. Он был подтянут, чисто выбрит. Ничто не выдавало его волнения. Плотные сжатые губы, цепкий взгляд. В кабинете приятно пахло дорогим парфюмом, но табачный запах тоже улавливался.

В жизни бы не сказала, что у этого субъекта накануне похитили ребенка. Не мужик, а монумент.

– Если вы готовы, то предлагаю начать, – сказал Сапсанов.

– Игорь Дмитриевич, никаких новостей? – решила я задать ему вопрос.

– Нет.

Плохо дело.

– Начнем? – настойчиво повторил Сапсанов.

– Готова. Начнем.

– Давайте повторим, – положил мне руку на плечо Сапсанов. – Вы – журналистка. Ваше дело – узнать от людей о том, чем они занимаются. Главной задачей будет обойти офис и отфильтровать того, кто заинтересован в неуспехе моей компании. Если выйдете на такого, то берете интервью, залезая как можно глубже в дебри. Киваете и улыбаетесь, даже если ничего не понимаете в том, о чем он рассуждает. Терминология вас интересовать не должна. Если же вы в ней чудом

разбираетесь, то улыбаетесь еще шире и постепенно разводите товарища на откровенность. Вот, я вам диктофон припас, у вас же нет, наверное?

– Откуда? – удивилась я. – Конечно, у меня нет диктофона. Я людей без диктофонов охраняю. Использовала, но редко.

На самом деле мой диктофон в это время спокойно лежал в моей сумке и уже записывал наш с Сапсановым разговор. Самого Игоря Дмитриевича это никак не должно было волновать.

– Отлично, прячьте.

Я взяла сапсановский гаджет и недоуменно покрутила его в руках. Он поверил в то, что увидел.

– А куда здесь нажимать?

– Вы что, не умеете им пользоваться? – поразился Сапсанов.

– Не так уж и часто телохранителю приходится использовать в своей работе такие штуки, – холодно ответила я. – В руках держала, конечно. А вот модели бывают разные. С этой я не знакома.

– А вы обозначения на кнопках видите? Они такие же, как и на любом проигрывателе. Эта модель не последней марки. Я специально взял ту, что попроще. Любой разберется. Вот кнопка для записи разговора. Вот эта – остановка. Здесь «вперед» и «назад». Думаю, проблем не возникнет.

– Поняла.

– Прячьте в свою сумочку. Блокнот и ручку попросите у Леры, она даст.

– Ясно.

– И еще, – подумав, добавил Сапсанов. – Общая кухня, подсобные помещения – все это в вашем распоряжении. Только надо найти предлог, чтобы попасть в одну из кладовок. Но это только в том случае, если там кто-то будет. Кто-то, не охваченный вашим вниманием.

– Их тут много?

– Кладовок? Две. В одной хранятся канцтовары, в другой – всякое-разное типа стремянки и бутылок воды для кулеров. Ну, все понятно?

– Да, все поняла, – кивнула я.

– Общая кухня, Женя, это очень интересное место. Там часто чешут языками. Кулер с водой находится именно там. Кофеварка, чайник, холодильник. Разберетесь.

«Вот и поставил бы там прослушку», – подумала я.

– И самое важное, Евгения, – бизнесмен наклонился к моему лицу. – Фирма конкурентов носит вот такое название.

Он достал из кармана визитку. На белом фоне алели яркие буквы: «Строительная компания „КонтРАКТ“».

– Если вы где-то увидите это название или услышите от кого-то, то сразу же доложите мне.

После этого началась торжественная часть. Сапсанов попросил секретаря Леру по громкой связи оповестить всех сотрудников о том, что их просят на пару минут отвлечься от

важных дел, после чего вывел меня из приемной. Я снова увидела «муравейник» с прозрачными стенами, сквозь которые можно было наблюдать за любым, кто не присел на корточки или вовсе не затаился на полу. Кое-кто из сотрудников встретил нас стоя, устремив любопытные взгляды на своего шефа и на какую-то не знакомую им девушку, которую он держал под локоток.

Сапсанов был немногословен, в пять секунд представил меня, объяснил, что я буду делать, и ушел в кабинет. Теперь нужно было работать одной.

– Здравствуйте, – я остановилась на пороге первой попавшейся комнатки. В ней сидела за столиком девушка в черном свитере. – Можно я начну с вас? Мы просто поговорим о вашей работе. И я диктофон еще включу. Это для статьи, просто чтобы не перевернуть ваш рассказ.

– Пожалуйста, я не против, – улыбнулась девушка.

Ее звали Лена, она работала в компании Сапсанова помощником бухгалтера. Она рассказала диктофону о том, что ей все здесь нравится. Ну, вот просто все.

Поговорив с Леной минут десять, я поняла, что дальше этой информации нам не продвинуться. И я пошла в следующий кабинет, в котором находилось царство спутанных проводов и стоявших друг на друге системных блоков. Здесь всем заправлял сисадмин Славик. Его тоже все устраивало, кроме маленькой площади помещения, в котором он ежедневно подвергал свою жизнь большой опасности, потому

что провода занимали слишком много места.

– А не пробовали Игорю Дмитриевичу объяснить ситуацию? – спросила я, завязнув каблуком в каком-то гнезде, смотанном из проволоки. Каблук я вызволяла из плена очень осторожно, боясь повредить обувь, ногу и то, в чем застряла.

– Я как-то дал понять, что компьютерщикам нужно пространство, но мой вопрос интереса у шефа не вызвал, – признался Славик. – Думаю, надо потерпеть. Он обещал, но вот когда...

– И все будет, если обещал, – с готовностью согласилась я. – Вы просто герой. Работать в таких условиях...

Славик кивнул на диктофон. Я поняла его намек и выключила записывающее устройство.

– Да разве я один такой? – тихо сказал Славик. – Другие сидят в более жутких условиях. И работают при этом. И ни разу ни одной премии. А между прочим, требования заоблачные.

– Текучка кадров здесь большая?

– Нет, – покачал головой Славик. – Тут неплохо платят. Тут даже кормят бесплатно. Но вот условия... сами видите. Зайдите к ребятам, они в самом конце сидят. Крайние два кабинета. Вот там – завал. И провода оголенные.

– Зайду, – пообещала я. – Непременно.

Похоже, Сапсанов был строг не только с собственной дочерью.

Мне удалось поговорить еще с парой людей. Ответы их

были односложными, заученными. Я их прекрасно понимала – кто же будет выкладывать чужому человеку всю правду, которая тут же будет записана?

Очередная прозрачная комнатка имела очень опрятный вид. Человек, который, кстати, в комнатке отсутствовал, отлично умел распоряжаться рабочим пространством. Ничто нигде не мешалось, не лезло под руку. Было даже место для того, чтобы разложить бумаги, и все потому, что кто-то умело сэкономил много свободного места.

Я замешкалась, не зная, куда двигаться дальше, уж очень хотелось продолжить идти заданным курсом и опросить как можно больше людей. Конечно, я могла бы обратиться к кому-то другому, а сюда вернуться потом. Но могла и забыть вернуться.

– Вы не ко мне, случайно? – услышала я голос сбоку от себя, повернула голову и увидела молодого темноволосого человека в белой рубашке и темных брюках. В руках он держал два стакана воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.